

Разводы /ВОЗРАСТНОЕ/

СЕРИЯ АнтиХаос

16+

Михаил ФОРР

Михаил Форр
Разводы. Возрастное

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Форр М.

Разводы. Возрастное / М. Форр — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-98659-6

Главный герой Михаил Викторович – пенсионер, разменявший девятый десяток - внезапно решил развестись. Даже в его преклонные годы у него излишне сложные взаимоотношения с женой Анной. И всю жизнь так или иначе он искал повода оформить с ней развод. А старческий маразм расставлял все новые, во многом сатирические акценты. Михаил Викторович имеет и формальный повод развестись - ведь он давно подозревает жену в измене. И даже считает, что их сын Кирилл родился не от него. Да мало ли могло накопиться претензий за долгие годы? Так в калейдоскопе безумных воспоминаний и бурной реальности проходят их непростые будни.

ISBN 978-5-532-98659-6

© Форр М., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1. Возрастное	5
Глава 2. Валя	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Михаил Форр

Разводы. Возрастное

Глава 1. Возрастное

– А давай, Бабка, позовем Внучку.

Звали-звали, и пришла Внучка. Тянут-потянут репку – вытащить не могут.

– А давай, Внучка, позовем Ногу.

Звали-звали и пришла Нога. Тянут-потянут репку – вытащить не могут.

– А давайте позовем еще одну Ногу.

– Давай! – и опять тянут-потянут.

– А давайте позовем и еще одну Ногу...

Он обычно засыпал на девятой ноге. И уже совсем точно на четырнадцатой. Было и страшно, и интересно: как эти ноги сами по себе перемещаются. Скачут?

Потом, когда он подрос и смог прочитать сборник народных сказок, то часто спрашивал у рассказывающей эту побасенку «баушки» – так он ее называл:

«А почему Нога? В книжке же вот все по-другому. А у тебя неправильно». «Не знаю, Мишенька», – говорила баушка, – «У нас в деревне так».

У них все так. Неправильно. Шиворот-навыворот. Все у баб, «в ихней деревне» по-другому. Как только женщина становится старше, то все более упряма.

Вон. Спит ненаглядная. Уже и глаза-то мои ее еле видят. А может уже и нет бабки поблизости? Совсем. Исчезла? Ну и слава богу. С глаз долой – жизнь легче.

Хорошо бы. Да какое там. Никуда не делась. Дед вздрогнул и будто очнулся.

– Нью-ю-ют! Ньюта-а-а! – голос его хрипел. Все-таки простудила она его со своим упрямым проветриванием: – Опять дрыхнешь? Проспишь момент, когда за проезд на небеса ангелы попросят.

Голос деда заклекотал – смеялся. Или нет? Все-таки он был простужен. И довольно сильно. Аня с трудом поднялась и накинула на плечи когда-то яркий и даже нарядный платок.

Сильно хромая, направилась в сторону кухни. Попутно будто спрашивала у мужа разрешение:

– Поставлю чайник?

Они все больше напоминали сказку, где все тянут Репку. Только в их случае в сказке тянули время. Ни детей, ни внуков, которых можно было позвать, рядом давно не было.

– И салфетки принеси! – дед был на редкость культурен. И всегда любил, чтобы чай и угощенья подвали только с приборами и прочими аксессуарами. Аня даже успела кивнуть...

Что произошло через мгновение, пожалуй, не понял никто из двоих. И лишь давно знакомая врачиха из «неотложки» спустя полчаса терпеливо и довольно громко рассказывала, что необходимо предпринять в этом случае: «Разогреете воду и туда эти капельки капните. Сколько я прописала. Понятно?»

Господи, когда уже его суженую черти унесут? Михаил Викторович вряд ли подумал именно в такой формулировке, но всю жизнь подобная мысль регулярно приходила к нему. Зачем ему такая спутница?

Только в самом-самом вначале, когда впервые узнал, что Аня беременна первенцем, это было грешно. А, может, и боязно – все-таки ее папа был не последним человеком в судьбе Михаила. Полковник. Скоро генерал – и на повышение. Только терпеливо дожидайся. А пока командир Мишиной части. Этаким гарант мира и семьи, одновременно.

Чуть заметным одним движением мог и сломать, и возвысить. Впрочем, возвышать-то тесть имел возможность в определенных пределах – его зять

Миша был из тыловиков-снабженцев. Заведовал складами и прочей материально-войсковой тематикой. Как говорится, на боевые дежурства не рвался.

Впрочем, почетные грамоты и медали за выслугу лет регулярно получал. И на ревизиях не попадался.

А Аня рожала и рожала. Год за годом. Миша даже опешил: – Нюта, ты у меня совсем неграмотная что ли? Или брошюрок по предотвращению нежелательной беременности тебе доктор по моей просьбе не передавал?

Аня только улыбалась. Она мужа любила. И всегда считала, что отсутствие обид и юмор в семейной жизни – залог крепкой ячейки советского общества.

А потом родился очередной – Кирилл. Дед от воспоминаний прямо в этот момент дернулся, лицом искажился – вспомнил как все было. Врачиха неотложки, наверное, заметила это и за деда даже испугалась:

– Да не волнуйтесь вы так! Поправится ваша жена – это давление. Я укол ей сделала. Надо бы в больницу. Горе мне с вами...

Кирилл, значит... тот был совсем-совсем смуглый. И кучерявый. Вот тогда даже сам грозный тесть как-то за рюмкой по пьяни произнес что-то страшное, за гранью: – Если убьешь ее, то я тебя не прощу. Но понять смогу.

Хорошо, хоть, теща Клавдия Васильевна – низенькая, белобрысая, но крайне приятная толстушка бутерброды им подносила. И реплику услышала:

– Идиот! Да вы все идиоты! А-то ты не знаешь, что мой прапрадед – Лев Хаимович. Отсюда и завитушки. А был он почетный врач и акушер. Он таких как вы в жизнь доставлял, а ты – «убьешь». Наубиваешься еще. И этот тоже. Папаша – Отелло тыловое. Вояки...

И добавила этакое жесткое, от души. Иногда позволяла себе выразиться среди своих. И за преферансом. Хорошо играла, с чувством. И на деньги тоже. Хоть и не одобряли это ее увлечение, но и не осуждали сильно.

Да только от этого еще больше дед стал замечать, что Аня ему не ровня что ли. Будто ее в магазине брал, а что-то от него при покупке скрыли. Вот тещу уважал, не пойми почему.

Да хотя бы, если не за ум, то за везение – все-таки сама у всех в карты выигрывает. А Аньку-то за что? Только потому что смиренно его обожает? Да кто же за такую любовь уважит?

Когда кого-то любишь – это вопрос обладания. Или ты обладаешь, или тобой владеют. Хорошо, если хоть какой-то баланс – тогда счастье. Ну хотя бы временами: то один, то другая. Как качели... Да какое-там.

Теперь же, после резких слов тещи, ситуация только усложнилась. Про то, что ребенок на тебя не похож, еще недавно можно было среди солдафонов отшучиваться. Ну или просто в морду дать. По ситуации.

И после слов тещи дитячье отличие стало, вроде, понятнее. Но само объяснение почему-то представлялось Михаилу еще более унижительным. Лучше держать в тайне...

Дед закричал от воспоминаний. Повернулся. Усталился на жену. Неотложка давно укатила, и чайник опять поставить было некому.

Лишь серая кошка Сима прошествовала в пенсионном ритме по давно потерявшему свое былое величие паркету. «Пришла третья нога» – в нарушаемой настенными ходиками тишине почему-то снова повисла эта странная фраза из «баушкиной» сказки.

Вообще, все их с Нютой многочисленные потомки именно сейчас представились Михаилу довольно неприятным строем тех самых излишне ретивых ног, готовых к длительным сельскохозяйственным работам. Поле несобранной репы и ноги, действующие под командованием его самого. Только еще молодого. Лево-лево-лево! Марш! Брр...

Аня лежала и тяжело дышала. Она привыкла за долгие годы к отсутствующему взгляду мужа. Наверное, можно было давно признаться себе, что жизнь идет как-то совсем не так. Да и разве это Он, Тот Самый, о котором она мечтала?

А, наверное, да. Да и любит же он ее. Конечно, сильно любит. Как по-другому? Просто особенно как-то любит, нюни и телячьи нежности не показывает, в строгости держит – так с нами, и нужно, как иначе? Вот особенная она любовь какая!

Однако временами слезы неожиданно наворачивались. Да и голос срывался на фальцет, выдавал волнение очень не вовремя – что ты будешь с этим делать? Нервы – не железная.

Но привычка плакать насухо, не показывая, что реवेश навзрыд – вот каким умением она точно овладела в совершенстве. Даже ее властная мама редко понимала, когда у дочери на душе кошки скребут.

Да и какие еще кошки? В тот момент не до них – четверо детей. Вперед под знамена социализма-оптимизма! А теперь вот и пять внуков. И уже три правнука. У каждого – своя жизнь. А у нее – своя. Какая уж есть. Со своими сложностями и радостями. Со своим Мишенькой.

А чтобы было, если бы они развелись? Ведь тот особый, жалиющий взгляд мужа она никак не могла забыть.

Много их еще было. Но этот был особенный. Так смотрят на никудышного, уродливого, выбракованного щенка из богатого, породистого помета.

Кирилл родился семимесячным. Словно природа сама проверяла сынка – будь, что будет. Может и выживет. Выжил. Но жизнь ее в тот момент совсем вошла в полосу глубокого отчуждения.

По-разному у них было – как у всех. Но если раньше они лишь временами делали вид, что у них точно все хорошо и по-другому быть не может, то нынче муж словно нашел себе какое-то оправдание. И теперь совсем не скрывал неприязни. Господи, как говорят, «в каждом дому по кому».

Впрочем, потом у отца случилось долгожданное повышение. И мужа он с собой взял – все перебрались из их Тмутаракани в Москву. Столичный город будто пытался оглушить Нюту своим роскошеством. Впрочем, все познается в сравнении.

Жили они поначалу в гостинице – тараканы и клопы, но это совсем недолго. Потравили. А чуть позже на служебной даче, которая использовалась как большая дорогая коммуналка.

Поговаривали, что этот, покрашенный темным «купоросом» дом был с нехорошей историей – принадлежало строение кому-то из репрессированных генералов. Теней из там не видели, но холод от стен исходил. Жутко!

Но вскоре определили их и на свою квартиру в районе Беговой улицы. Господи, сколько радости досталось! И все эти метры только им!

Аккуратные низкорослые дома были почти свежие – совсем недавно пленными немцами построены. Первый этаж. Комнаты маленькие. Как там разместились – с ума сойти. Жили, ели и спали на каком-то трофейном скарбе – сохранилось фронтовое «приданное» от тестя. И что-то еще казенное.

Два старших ребенка спали на старом сундуке. А младшим досталось кресло и подобие люльки. Сама Аня с Михаилом поселились рядом в спальне, которая в высоту была, наверное, больше, чем в длину-ширину.

Ну и в самой большой комнате – генерал с генеральшей. Но кухня все равно всех не вмещала – ели по очереди. Дома были хоть и добротные, но с сюрпризами.

Поначалу чуть не задохнулись от печки – кто-то из бывших оккупантов-строителей при возведении жилья для победителей заложил дымоход. Вредительство чистой воды. А потом тесть с тещей переехали...

Аня чуть заметно замотала головой. Словно с чем-то не соглашалась, пыталась предотвратить. Зашевелилась и с трудом приподнялась. Дед спал и немного похрапывал. Хотела встать, но голова опять закружилась. Откинулась на подушках. Забылась, заснула.

А Михаил Викторович думал о чем-то своем. Он и не пытался спать. Открыл глаза. Покряхтел, пошумел, проверяя сон своей многолетней соседки.

Произнес тихонько, лишь кажется для того, чтобы ни в коем случае не разбудить: – Как ты?

И, наконец, убедившись, что та порозовела и просто спокойно дремлет, довольно решительно, насколько позволял возраст, направился в сторону прихожей. Наверное, только лавочка рядом с подъездом – это то место, где он чувствовал себя теперь комфортно.

Кроме того, скоро должна прийти внучка Таня. Любимая. Вот и хотел в одиночку вкусить радости от первого момента встречи с ней. Этак эгоистично, всецело.

Редко та бывала. Но навещала. А остальные еще реже. Будто избегали в сумеречном доме чего-то неприятного, но давно уже ожидаемого. Волосы у нее, правда, вились завитушками. Татьяна Кирилловна...

– Дед, ну ты опять что ли?! – как обычно чуть приподнявшаяся внучка не особо сопротивлялась причудам родного ей человека. Но сама мысль, что она вынуждена подыгрывать его чудачествам, видимо, доставляла ей душевный дискомфорт. Отвечала довольно громко:

– Конечно-конечно, разведешься! Все сделаешь еще! Успеется! Как ты захочешь, так и будет!

Дед понимал, что с ним обращаются временами довольно снисходительно. Только когда именно, он не всегда угадывал – это его особенно раздражало. Поэтому был сегодня категоричен: – Я завтра хочу! Хватит ждать!

Таня внимательно смотрела на изможденное лицо старика. Ссунувшееся, поражающее своей излишней худобой – оно вызывало только жалость. Если бы не глаза – пронзительные, умные, упрямые. Даже хищные.

– Дед, как ты себя вообще чувствуешь? – Тане хотелось хоть как-то переменить тему.

– Нормально, – упрямо ответил старик, – А вот бабке твоей скорую вызывали! Думал уже все! Совсем! И здесь опять по-своему делает.

Так и не успею я с ней документы на развод оформить. Могу я хоть последние дни свободным себя ощутить. Или нет?

Внучка даже плакала сейчас от отчаянья. А дед это все не раз повторил и в квартире. Он совсем не стеснялся своей навязчивой мысли и при бедной Нюре. Не останавливали его свежие воспоминания о сегодняшней скорой.

Наконец, внучка, как смогла, навела хоть какой-то порядок и мир в доме. Ей так казалось. Протерла накопившуюся пыль, вымыла пол. И ушла.

А дед действовал уже совсем настойчиво: – Нютка! Нам нужно поделить комнаты. Большую заберу себе. А ты можешь переносить вещи в нашу спальню и...

А больше тебе и не нужно. Кабинет тоже будет за мной. Я его сдавать буду! Вернее, так: ты поедешь в кабинет, а я сдам спальню. А будешь не согласна, так и по часам сдам – потаскухам! Еще больше денег выйдет.

– Как сдавать? По каким часам? – так и села, вздрогнула, но все-таки не до конца поверила мужу Аня. С одной стороны, она слушалась мужа, но частенько активно сопротивлялась. Дурости.

Срывалась на нервы, скандалила. По-бабски, без причины. Для деда это было очевидно – сегодня уж точно нет никакого повода ей нервничать. Он был уверен. Но скорее издевался.

– Как сдавать? Молча. Развод – он и в Африке развод, как факт! Квартира-то за мной числится, – Михаил Викторович наконец-то почувствовал, что именно этой минуты ждал, казалось, всю свою жизнь:

– Я уже и жильцов присмотрел. Сегодня придут. Или завтра. С Татьяной обо всем договорился.

Нюта так и не поверила деду – какие жильцы на старости лет? В каком бреде внучка могла пойти на поводу у больного на голову старика? Но через полчаса действительно пришла интеллигентная парочка молодежи. Их привела Таня.

Впрочем, парень не понравился ни деду, а уж тем более бабке. Молодые побродили по спальне и кабинету – в гостиную дочка их не приглашала. Будто знала про условия деда.

– Да как же это, внучка? – у Нюты будто ушла земля из-под ног. Но Таня делала вид, что не слышит родную бабулю. А через некоторое время все также молча ушли. Только Таня незаметно так бабушке моргнула – наверное, заговорчески подмигивала.

Старушка восприняла это, как добрый знак. Молодец, Танюшка! И деда, вроде, не обидела, и конфликт развеяла. Стало почему-то грустно. Вспомнилось про прежние размолвки. Память настойчиво стучала височной артерией. Что там? Ах, да, Кирилл...

На самом деле звали его Кирман. Имя его переводилось, как крепкий. Он и правда был здоровяком. Впрочем, подкупило Аню не это – молодой стройбатовец был филологом из Средней Азии и в совершенстве знал Омара Хайама.

Как-то все в этот момент совпало: настроение, антураж, повод. Даже вызвали его в семью командира части совсем по культурному поводу – нужно было повесить картину. И само полотно было тематическое: роза, кувшин, солнце и кони на дальнем плане.

Словом, почти все основные тематики великого создателя изящных поэтических строк, посвященных, в основном, любви, здесь имелись. Кроме красавицы, которая была воплощена другим творцом и присутствовала совсем наяву: во плоти и крови...

Нюта дернулась и почувствовала некоторое облегчение. Стреляющая боль в виске начала отпускать – это кошка Сима медленно обнюхивала левое ухо и старалась лизнуть ее в мочку: – Спасибо тебе, шерстяное чудо.

– Лучше обед приготовь, разболталась! – внезапно проголодавшийся Михаил Викторович напрочь забыл о своей инициативе и почти случившемся факте развода.

– Хорошо! – Аня посчитала это голодное просветление подходящим знаком и отправилась в сторону кухни – загремела кастрюлями.

Крутанула трехпрограммное радио, выпущенное в год смерти Сталина, но звука почему-то не было. Наверное, всему самому исправному когда-то приходит время для ремонта. Или свалки.

Через полчаса в проеме двери появился медленно передвигающий больные ноги старик с ворохом каких-то пакетов и маленьких подушек-думок: – Нам чужого не надо! – и дед вывалил содержимое рук и пакетов прямо на пол...

Но Нюта будто его не слышала. Словно предохранитель сработал. О чем она в этот момент думала? Наверное, о том, что заставило сделать шаг навстречу человеку, которого она знала всего несколько минут?

Это был глоток свежего воздуха. Или странного, но очень сладкого среднеазиатского вина из кувшина. В которых потом хранят всемогущих джинов. Где они долго не портятся и сохраняют свои магические свойства.

Шаг, о котором она никогда не пожалеет. Аня это могла утверждать с уверенностью. У каждой женщины должен быть подобный шаг в жизни. Тот или другой.

Маленький шажок, и все-таки настоящий предел ее самостоятельности. Новая не пересекаемая граница, за которую она уже никогда не выйдет.

Впрочем, шаг, возможно, не такой уж и большой. Но решительный и концентрированный.

Ане казалось, что она помнила каждое движение, каждый звук, который ее же тогда возбуждал и оглушал. Долго она потом анализировала свою неожиданную смелость.

Не узнавала себя. Старалась будто о чем-то переспросить, удостовериться. И отогнать саму себя новую от той, прежней. Изолировать в таком карантине...

А все-таки ДОСы – «дома офицерского состава» – не лучшая почва, если не для военных, то для личных тайн. Слухи распространились довольно быстро. Кривые, искаженные, но дошли. Миша помнил тот вечер всю жизнь...

Впрочем, сочетание стариковских воспоминаний и переноски пусть и не самых великих тяжестей сыграло сегодня в резонанс – снова приехала скорая. Уже к деду. Неизменная Клавдия Васильевна в сердцах произнесла:

– Родные мои! Ну что у меня каждый раз за дежурство? Порой хочется к вам приехать и никуда не выходить по-соседски. На всякий случай. Чаем напоите?

Впрочем, никакого притворства – Клавдия Васильевна действительно жила в квартире напротив. Дверь в дверь. И порой приходила тогда, когда вроде ее и не ждали – повод у нее всегда находился.

А внучка Таня давно сделала ей копию квартирных ключей – старики частенько забывали полить цветы. Так она им объяснила внезапные приходы соседки.

Но на самом деле внучка думала: пусть лучше под присмотром будут. От них каждый раз какие-то сюрпризы ожидаются. Сегодняшний день, к сожалению, не был исключением...

Аня не слушала медработника. Куда они тогда дели Кирмана? Просто в один момент этот увалень перестал ей загадочно улыбаться, вразвалку шагая навстречу. Обычно он приходил в то время, когда и она этой матушкой-гусыней ранехонько шествовала с коляской в сторону молочной кухни.

Временами вояка встречал ее на обратном пути. А порой и днем помогал донести какие-то пакеты. Казалось, что на них особо не обращали внимание – мало ли зачем в помощь многодетной матери могли дать сильного и рукастого солдата?

И как-то сами собой звучали знаменитые четверостишья. Тихонько. Слова были светлые, чистые. И почему-то веселые – лились таким радостным весенним водопадом. А потом перестали – декламатор пропал. Аня не знала, что и подумать. Была она тогда уже беременна...

Михаила Викторовича опять душила ревность. А, впрочем, нельзя было однозначно охарактеризовать это чувство. Рядом с ним находилась паучиха, которая почему-то имела возможность рожать человеческих детенышей.

Казалось, еще немного, и та сбросит с себя эту розовую и теплую плоть. И предстанет перед ним в своем действительном облики: многоногое, серое с щетиной и черными клещеобразными хватками, вместо губ. Мерзкая тварь!

Миша был интернационалистом. Но измена с каким-то солдатом, да еще другого роду-племени? Подобное не укладывалось в его лысеющем черепе. И самое главное – она носит от чужака ребенка.

Однако слухи – слухами. Но с уверенностью фактов, ведь, никто толком сообщить ему не мог. Впрочем, Михаил сделал так, что парня быстро перевели в другую часть. Ну не мог его больше видеть.

А тут слухи побулькивали-побулькивали, да и перестали. Миша же понял свою ошибку – перевод успокоил обстановку. А он-то очень надеялся, что все эти мерзости все-таки сами дойдут до ушей тещи. Ну или хотя бы до тещи. И тут же последует вполне объяснимый и оправдываемый развод.

Но теща Клавдия Васильевна была, видимо, женщиной мудрой. И ни взглядом, ни полупонамеком не показала, что ей что-то известно. А на провокации никак не отзывалась.

Лишь после рождения внука успела вступить за дочь. Произнесла эту спасительную речь про прапрадеда с его смоляными волосами-завитушками.

И все бы, наверное, успокоилось, если и в этот момент Ньюта не превзошла саму себя и не назвала сына в память о его среднеазиатском отце. Лишь переделала имя Кирман на привычный для средней полосы Кирилл...

Опять дед задергался. Черная пелена перед глазами. Сегодня он переживал еще больше, чем тогда. Сил у него совсем не было.

А будь иначе, он был бы готов выкинуть вещи Ани в окно – там им самое место. А еще приходила шальная мысль: потребовать с нее деньги за пребывание по часам – именно так ведь берут оплату с таких как она потаскух, верно? Вот, тварь...

Аня улыбалась своим беззубым ртом. Возможно, никогда ей не было так хорошо, как тогда. Конечно, интуитивно она многое умела и чувствовала – деревенские рано этому учились.

И хорошо понимала, что обычно на душе у каждого солдатика. Поэтому и была настороже каждый раз, когда к ним в дом приходили подробные помощники.

Но сегодня все-таки зачарованно сделала шаг к нему навстречу. Кирман тогда тихо произнес только одну фразу: «Не торопись, моя любовь!» И что-то добавил. Очень нежное, но уже на своем странном языке. А ей казалось, что фразы знакомы.

В тот момент Аня не до конца осознавала, как его губы коснулись только ее ресниц. Лишь электрический заряд тихонечко щелкнул на их длинных кончиках. И побежал дальше, заструился по внутренним венам и капиллярам.

Нравилось, никогда девушке еще так сладостно не закладывало уши от простого прикосновения. Кровь моментально переливалась из головы к сердцу, вниз живота, снова к груди.

И везде Аня испытывала лишь какое-то странное, но столь приятное и щемящее чувство необъяснимой радости и свободы.

Подобное было только один раз в ее длинной жизни. И больше никогда не повторилось. Впрочем, все когда-нибудь кончается. Аня тряхнула головой. И немедленно, с какой-то излишне неразумной силой оттолкнула неожиданно настойчивого ухажера: – Ты что, а? С ума сошел!

Кирман словно ничего не понял. Он так и стоял в исступлении, как памятник. Будто сам пораженный молнией. Лишь нехотя сделал один шаг назад. И снова замер.

А Аня искренне негодовала – она была правильно воспитана. И замужем. Да и в конце концов ждала от мужа очередного ребенка, которого уже тогда решила назвать Кириллом. Но порой ей казалось, что именно этого невинного касания она и ждала всю свою предыдущую жизнь.

Да и разве не всю последующую прожила с ощущением радости от этого воспоминания? Она порой раздумывала, как же важно, чтобы кто-то вовремя остановил тебя от быстрых решений. И произнес: – Не торопись!

Но, наверное, все-таки временами жалела, что однажды согласилась с ним так буквально...

Глава 2. Валя

– Валя, Валя! – метался головой по подушке дед. Бабуля уже не раз слышала его затяжной бред. Как только температура достигала критических отметок – шепот про Валу появлялся вновь. Заботливо поправила-подоткнула одеяло.

Аня который раз старалась припомнить, когда это случился впервые. Доподлинно уж и не установишь – столько лет прошло. У них тогда точно было двое детей. И местная рыжая работница продмага Валя не первый раз вставала на пути крепких советских семей. Без разбору.

Миша аккурат приехал с зимних учений – тренировали действиям при очередной мировой угрозе. Обучали всех. Даже складских работников. Приехал он сильно раньше срока и сразу слег с жаром.

Кто кому угрожал в мире, было понятно. Кто семье – разберемся. А нынешнее воспаление легких – вот уже где по-настоящему все угрожающе. Но Аня мужа в медсанбат не отдала. Впрочем, дочке командира части в помощь фельдшера выделили – приходил каждый день больного проведать.

Именно тогда Аня впервые в бреду своего супруга и услышала про огненную Валу. Местные общественницы уже не раз пытались эту женщину «с излишне низкой социальной ответственностью» куда-нибудь подальше сплавить. И даже отцу Ани жаловались.

Но командир части бабские домыслы слушать не стал. В том числе, и упреки собственной жены пропустил мимо ушей. Отвечал скороговоркой: рыжая была работницей исправной и план перевыполняла. А где теперь такого хорошего работника найдешь, даже, если и гулящую?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.